

ОККУПАЦИЯ ТАВРИКИ РИМОМ В I В. Н. Э.¹

Проф. В. Н. Дьяков

В надписи Тиб. Плавтия Сильвана после перечисления его военных и дипломатических успехов есть одно особенно ценное для нас сообщение: «также Скифского царя он принудил снять осаду и удалиться от Херсонеса, расположенного за Борисфеном»². В этом кратком выражении в действительности кроется очень большой исторический факт — распространение римского протектората на всю цепь греческих колоний северо-западного побережья Понта и Крыма вплоть до владений Боспора.

Подчинение всего северного Причерноморья являлось уже давно одной из целей римской политики на северо-восточной окраине Римской державы. Овладение северным побережьем Понта, прежде всего, делало римлян полными хозяевами морского пути на восток — на Кавказ, приобретающий для Рима, по мере того как развертывалась его борьба с Парфией, все большее стратегическое значение в качестве флангового плацдарма, и к устьям Днепра и Дона, откуда уже во времена Геродота ездили к «Рипейским горам» (Уралу), и в Западную Сибирь (Алтай), «где грифы сторожат золото»³. Кроме того, господство Рима над этим побережьем отрезывало весь варварский мир Восточной Европы от выхода к морю и ставило его в полную зависимость от Римской державы.

Поэтому уже первые легаты Мезии большое внимание в своей административной деятельности обращали на отношения к грекам-колонистам северо-западного побережья Понта и *oгае Thraciae*, о чем свидетельствуют письма Туллия Гемина и Флавия Сабина к «архонтам, совету и народу» (*ἀρχοῦσι, βουλῇ, δήμῳ*) Истрии⁴ с подтверждением старинных привилегий этого города (*τὰ τῶν προγόνων ὑμῶν ἔρια, secundum veterem legem*). Упоминается в этих письмах и посещение наместниками Мезии прибрежных городов: так, Туллий Гемин пишет, что послы Истрии пришли к нему «в бытность его в городе Томы». Флавий Сабин становится своего рода патроном Истрии, и даже после сложения им полномочий легата Мезии к нему отправляются почетные посольства с дарами и прошениями⁵. Таким

¹ См. ВДИ, 1940, № 3—4 (12—13).

² CIL 3608 = Dessau 986: *Scytharum quoque regem (=rege) a Chersonensi, que est ultra Borustenem obsidione summoto.*

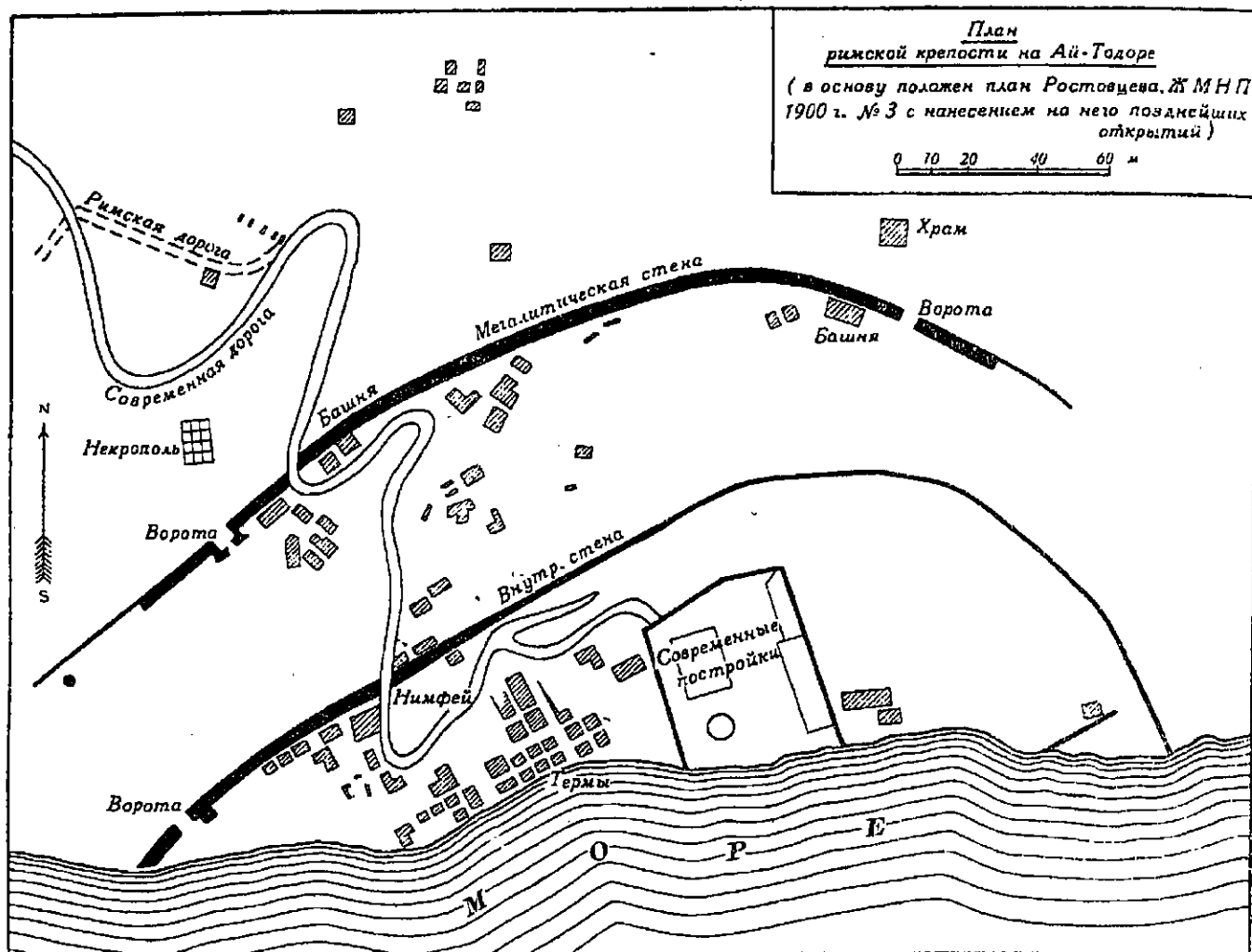
³ Herod., IV, 21—27. См. D a r e m b e r g - S a g l i o, Dictionnaire, статья «Via» (B e s n i e r и C h a p o t); M. P. C h a r l e s w o r t h, Trade Routes and Commerce of the Roman Empire. Cambridge, 1924, стр. 104—107.

⁴ SEG [H o n d i u s], I, Fasc. 2, 1924, № 329.

⁵ Ibidem.

образом, уже к 56-му году, времени оставления должности легата Мезии Флавием Сабинном, вся ога *maritima Thraciae* была полностью освоена Римом.

Сделать это римлянам было тем более легко, что все греческие города Причерноморья находились в это время в полном упадке, в особенности после ужасного погрома со стороны гетов в половине I в. до н. э. Яркое описание этого упадка в период правления Домициана дает Дион Хризостом в своей «Борисфенитской речи» (XXXVI): «Город борисфенитов

(Ольвия) по своей величине не соответствует своей прежней славе вследствие неоднократных разорений и войн... Последнее и самое сильное разорение было не более как за 150 лет: геты взяли его и остальные города по левому берегу Понта вплоть до Аполлонии. Вследствие этого дела тамошних эллинов пришли в крайний упадок: одни города совсем не были восстановлены, другие—в плохом виде, и при этом нахлынула в них масса варваров». Несомненно, ко всем городам северо-западного берега Понта и фракийского побережья может быть отнесено описанное Дионом жалкое состояние, в каком находилась Ольвия в послегетский период: «О бывшем разорении свидетельствуют плохой вид построек и тесное расположение города на небольшом пространстве: он пристроен лишь к небольшой части прежней городской черты, где остается еще несколько башен, не соответствующих ни величине, ни силе нынешнего города; находящееся между ними пространство тесно застроено домишками, почти без промежутков, и обнесено очень низенькою и непрочною стенкою. Некоторые башни стоят так далеко от заселенной ныне местности, что нельзя даже представить себе, чтобы они принадлежали одному городу. Все это служит явным признаком его разорения и затем еще то, что в храмах не осталось ни одной

целой статуи, но все они изуродованы, равно как и бывшие на надгробных памятниках»¹.

Таковую же картину упадка города Тома дает и Овидий в своих «Tristia». Это же подтверждают и археологические раскопки Фармаковского, Семёнова-Зусера и др. в Ольвии², Pârvan'a в Истрии³, Th. Sauciuc-Sâveanu в Callatis⁴ и др. Письма легатов Мезии к жителям Истрии показывают, что последних больше всего интересует вопрос не о торговых, а о лесных и рыболовных привилегиях, — свидетельство невысокой степени хозяйства. В Ольвии в I в. чеканилась и ходила монета с именами и портретами скифских царей, под властью которых Ольвия некоторое время и находилась. Поэтому следует полагать, что эти греческие колонии фракийского побережья Понта и низовьев Днестра и Днепра не только не отстаивали от римлян своей независимости, а, наоборот, сами тянулись под протекторат Рима, видя в нем своего освободителя от власти варварских царей.

Тиб. Плавтий Сильван сразу же по получении поста легата Мезии стал удачно продолжать эту начатую его предшественниками политику, энергично расширяя пределы своей провинции дальше в сторону задунайского побережья Понта. Надписи дают основание думать, что с 57-го года, т. е. первого года легатства Сильвана в Мезии, Тира, владевшая значительной территорией (Бессарабия), доходившей до низовьев Днепра, тоже подпадает под власть Рима⁵. С этого года Тира начинает и свою новую эру. Возможно, что тогда же зависимой от Рима стала и Ольвия, владения которой непосредственно граничили с областью Тире и лежали тоже по правому берегу Днепра. Таким образом, римский протекторат над западным побережьем Понта уже с самого начала наместничества Тиб. Плавтия Сильвана и именно благодаря его деятельности протянулся к северо-востоку до самого Днепровского лимана.

Естественно, что римскую администрацию Мезии могли заинтересовать теперь и аналогичные события, происходившие «по ту сторону Днепра», где находились владения последнего независимого от римлян города северного Причерноморья — Херсонеса, и она искала лишь предлога, чтобы и его поставить в положение, подобное положению Ольвии и Тире.

Херсонес в половине I в. н. э. находится также в очень стесненном состоянии. Это стоит в связи с общей политической обстановкой, сложившейся в 40—50 гг. н. э. в Крыму. На Боспоре в 40-х годах происходило большое национальное антиримское движение. Главой его был царь Митридат III (41—45), сын Аспурга и «потомок великого Ахемена», самое воцарение которого, повидимому, произошло помимо желания римского правительства (Cass. Dio, LX, 8). Римская дипломатия пустила в ход свои обычные средства интриг: она стала покровительствовать претензиям на боспорский престол брата Митридата, Котиса, и в 45 г. провозгласила его боспорским царем. Этот ставленник Рима, принявший в угоду римлянам даже имя Тиберия Юлия Котиса и униженно именовавший императора своим «спасителем и благодетелем» (IRE, II, 32), мог воца-

¹ Перевод в сборнике «Античный мир на юге России» под редакцией Бороздина, Тураева и Фармаковского, стр. 45.

² В. В. Фармаковский, Отчеты о раскопках Ольвии в ИАК; VIII, XIII, XXIII и ОАК, 1896, 1901—1915; Е го же, Раскопувания Ольбїї, Одесса, 1929; Л. М. Славин, Ольвия, Видання Ітство Академії наук УССР, Київ, 1938; С. А. Семёнов-Зусер, Раскопки в Ольвии в 1920—21 г., ИГАИМК, X, вып. 5, 1931.

³ V. Pârvan, Histria в «Ann. de l'Acad. Roumaine», Sect. hist., II série, t. XXXVIII, 1916, стр. 533—732 и III série, t. II, 1923; Ş. Lamberino, Histria romaine à la lumière des fouilles в REL, IX, 1931, стр. 77—83.

⁴ Th. Sauciuc-Sâveanu, Callatis в «Dacia», I, 1924, стр. 108 сл., II, 1925, стр. 104 сл.

⁵ CIL, III, стр. 782 и стр. 1009; I3751 a, b; 14214⁹⁴; 14215 3—4.

риться на Боспоре только насильно, с помощью большого отряда римских войск, которым командовал «dux Romanorum» Дидий Галл (Т а с., Анн., XII, 15). Тацит подробно рассказывает, как после ухода главных римских сил Митридат пытался свергнуть брата и вновь захватить власть, подступая к самому Пантикапею «с варварскими племенами и перебежчиками», и как войскам Котиса вместе с несколькими когортами римского войска под начальством римского всадника Юлия Аквилы, оставленными на Боспоре Дидием Галлом в виде гарнизона, наконец, после больших усилий удалось отогнать сторонников Митридата к устью Танаиса. Здесь он был окончательно разбит, выдан Риму и по доставке в Рим (49 г.) выставлен как мятежник на форуме напоказ народу (Т а с., Анн., XII, 15—20).

Это длительное междоусобие на Боспоре, когда претенденты поднимали за свое дело даже «варварские племена», несомненно повело к значительному усилению в Крыму скифских и таврских элементов. Они держали себя смиренно при отце Митридата III и Котиса, царе Аспурге (8—38 гг. н. э.): одна надпись его говорит, что он «властвовал над многими соседними народами и покорил скифов и тавров» (IPE, II, 36). Но теперь положение изменилось. Так, Тацит (Анн., XII, 17) в заключение своего рассказа повествует о катастрофе, которая постигла римские войска при возвращении из похода к Танаису на свои обычные базы. «При возвращении счастье нам изменило: некоторые из судов (войска возвращались морем) были отнесены к берегам тавров и захвачены варварами, причем были убиты начальник когорты и большинство людей вспомогательного отряда». Одновременно с оживлением этой пиратской и разбойничьей деятельности горцев-тавров боспорская смута конца 40-х годов, конечно, вызвала, как это обычно бывало и раньше в подобных случаях, и более активные выступления скифов из степной части Крымского полуострова: скифы усилили нажим и на Боспор и на все побережье Крымского полуострова, пробиться к которому они неуклонно стремились со времени Скилура и Паллака (конец II в. до н. э.). От всего этого особенно должен был страдать изолированный от других греческих городов Херсонес, которому Боспор, занятый собственными неурядицами и опасностями, не мог теперь оказать никакой помощи.

Это опасное положение Херсонеса в половине I в. и выражено в кратком сообщении эпитафии Тиб. Плавтия Сильвана о том, что скифский царь приступил уже к прямой осаде Херсонеса. Несколько херсонесских надписей, хотя и сильно попорченных, но, как все же можно установить, относящихся по форме букв и по содержанию к этому же времени¹ и этим же событиям, позволяют нам несколько подробнее осветить эти обстоятельства. Одна надпись говорит о каком-то βασιλεύς—повидимому, скифском царе: к нему можно отнести слова надписи, что «налетев со множеством войска... скифов, сарматов и союзников... испепелил огнем всю страну»². Под «союзниками», так как сарматы упоминаются отдельно, здесь, несомненно, следует понимать тавров. Таким образом, складывалась та же опасная комбинация враждебных грекам элементов, как во времена Диофанта, их общий блок и совместный поход против греков-колонистов и, в особенности, Херсонеса, который уже не мог защищать своей территории и сам находился под угрозой захвата.

Вторая надпись³, близкая по времени к первой, рисует особенно по-

¹ М. Ростовцев, К истории Херсонеса в эпоху ранней Римской империи. Сборник в честь Уваровой, стр. 15.

² IPE, I², № 369: ἐπιπέτων πλοῦν στρατῶν... Σκυθῶν καὶ Σαυροματῶν καὶ συμμάχων ἀποίησεν ὅλην περίφληκτον (так читает и дополняет М. Ростовцев).

³ IPE, I², № 355; Ростовцев, стр. 15; Латышев (IPE, I², стр. 313), следуя Gagnat, склонен относить эту надпись ко времени Тиберия, так как рядом с императо-

дробно ту же ситуацию, делая в то же время намеки и на какую-то внутреннюю смуту в Херсонесе. Здесь враг именуется «тираном», потому что он стремится уничтожить исконную автономию и суверенитет Херсонеса (τὸν πάτριον Χερσοναίταις ἐλευθερίαν). Его поддерживает херсонесская «чернь» (ὄχλος). Одно время этот «тиран» даже захватил город, и Херсонес страдал под его властью, но городу удалось освободиться от нее без кровопролития. Затем «тиран», опираясь на сторонников переворота (οἱ νεωτερίζοντες), вторично подходил к городу (подобно Митридату III, тоже, вероятно, с «варварскими племенами и перебежчиками») и забирал в плен херсонесских граждан. Херсонес находился в условиях постоянной угрозы вражеского нападения, движения низов и голодовки—очевидно, связанной с опустошением его территории.

Но самое интересное для нас в этой второй надписи—изображение оборонительных мероприятий Херсонеса и поисков внешней помощи. Городские власти и состоятельные граждане озабочены укреплением города и чествуют лицо, которому посвящена надпись,—какого-то своего заслуженного гражданина—за то, что «выбранный эпимелетом городских доходов, он прежде всего заботился об укреплении города и области, строил стены». Особенно же отмечается та его заслуга, что уполномоченный гражданами Херсонеса передать их прошение на благоусмотрение «великого императора и сената... (о помощи) от народа римского и совершив путь в Рим на собственные издержки, снова обрел для херсонесцев исконную свободу». Последнее сообщение надписи определенно свидетельствует о том, что Херсонес сам призывал Рим вмешаться в дела Таврики, ждал римской оккупации, как избавления от скифской опасности, а также и от движения низов населения, и готов был всячески приветствовать вмешательство римлян, несмотря на все свое стремление к «исконной свободе». Подобные же призывы о вмешательстве и помощи направлялись одновременно правящими херсонесскими слоями не только в Рим, но и непосредственно легату Мезии, повидимому Тиб. Плавтию Сильвану. Именно так понимает Латышев свидетельство еще одной херсонесской надписи об участии другого видного херсонесца в «посольстве к наместнику Мезии», относя показания этой надписи к этому же времени и этим же событиям¹.

Все это и являлось для Сильвана подходящим предлогом вмешаться в дела Херсонеса и распространить пределы своей провинции «за Борисфен», ликвидировав тем последний независимый от Рима отрезок на северном побережье Понта, нарушавший полное господство римлян на северо-восточном морском пути.

И вот, в херсонесской надписи IPE I¹, № 369, мы находим прославление херсонесскими властями появившегося, наконец, давножданного избавителя. Поскольку можно понять из крайне фрагментарного текста надписи (сохранилась только средняя ее часть), этот избавитель от опасности, грозившей со стороны скифского царя, опустошавшего всю страну, уже не был херсонесским гражданином, как лицо, чествуемое в надписи № 355. Он извне прибыл на херсонесскую территорию на двенадцатый день, переправился в город и всю страну принял под свою охрану².

Здесь следует обратить особое внимание на слово «переправился» (ὑπερβαίμεν), означающее переправу на кораблях в Херсонес через Севастопольский рейд, т. е., по местоположению Херсонеса, с севера. Нужно

ром упоминается и сенат. Однако на том же основании можно датировать ее и первыми годами правления Нерона, к которым она значительно больше подходит по своему содержанию.

¹ IPE, I², № 420: προσβέυσαντι ποτὶ τὸν τῆς Μουσίας ἀγεμόνα. Также *ibid.*, стр. 386.

² παρεγένετο ταῖ δωδεκάται ἡμέραι.. ὑπερβαίμεν εἰς τὴν πόλιν... τὰς χώρας ἀπαντας... ἐφύλαξεν ἀβαλῶν.

полагать, что именно с этой стороны, с севера же, т. е. с устья Днепра, из Ольвии прибыла морским путем эта желанная помощь. Пришедшие на выручку Херсонеса иноземные—точнее, римские—военные силы (ни о каких других в это время не могло быть и речи) некоторое время занимали выжидательную позицию на северной стороне Севастопольского залива, в районе теперешних Константиновской и Михайловской батарей или Братского кладбища, видимо, ведя переговоры с осаждавшим Херсонес врагом, затем без боя (о нем в надписи не упоминается), ввиду отступления осаждающих, заняли город и приступили к возведению защитных сооружений по границам «всей страны». Все эти выражения херсонесской надписи вполне подходят к обстановке 50-х годов и притом сходятся со словами эпитафии Тиб. Плавтия Сильвана, что он заставил скифского царя с н я т ь осаду Херсонеса—видимо, без боя, а скорее путем военно-дипломатического вмешательства¹; можно поэтому думать, что и сама эта надпись является почетным декретом Сильвану со стороны херсонесцев, подобным тому, который за 150 лет до этого был составлен в честь Диофанта.

Таким образом, из соединения этих эпиграфических материалов вырисовывается довольно четкая картина херсонесского похода Плавтия Сильвана. Он, несомненно, носил характер комбинированной военно-морской экспедиции, базой которой являлись Ольвия или Тира, откуда легко было морским путем переправить к Херсонесу значительный отряд войска на «двенадцатый день», считая с начала осады. Эскадра военных судов состояла из кораблей равеннского флота, командированных в распоряжение легата Мезии, так как своего военного флота в это время Мезия еще не имела (он появился лишь в эпоху Веспасиана, почему и носил название Flavia); даже в более позднее время в Херсонесе стояли римские военные корабли из Равенны, как о том свидетельствуют херсонесские надписи (IRE, 1^a, № 417). Штемпеля кирпичей древнейших римских построек в Таврике (времени Нерона) тоже носят клеймо «vexillatio classis Ravenpatis», т. е. отряда особого назначения равеннского флота (Ай-Тодор). К военным римским кораблям в качестве транспортов были, несомненно, как во времена Диофанта и Дидия Галла, присоединены суда греческих городов побережья—Тиры и Ольвии. Из сухопутных войск Мезии в походе, повидимому, участвовал leg. VIII Augusta. Так, Domaszewski первый обратил внимание на то, что с 60-х годов этот легион носил особо почетное название «bis Augusta»², и связывает это особое отличие с удачным восточным его походом в причерноморские степи и под далекий Херсонес против скифов, и тогда еще внушавших ужас своей непобедимостью. Военными операциями, надо полагать, руководил сам легат Мезии, иначе он не упоминал бы об этом в своей надписи. По времени же эта крымская экспедиция римлян должна была совпадать с походом Сильвана на Тиру (57 г.) и, видимо, служила его продолжением. Мало того, она являлась, несомненно, и звеном в выполнении широко задуманного и хорошо подготовленного Римом большого военного плана. Ведь одновременно с этим, ранней весной 58 г., начала свой восточный поход и малоазиатская армия Корбулона³: северный ее отряд, в котором принял участие другой из стоявших в Мезии легионов—IV Scythica, переброшенный в Малую Азию, одновременно двигался на восток из Каппадокии

¹ Как «дипломатическую победу» рассматривал этот успех Тиберия Плавтия Сильвана и L. Halkin, «L'antiquité classique», III, 1934, стр. 145.

² CIL, VI, 3004, Dessau, 1002; Domaszewski, «Rhein. Mus.», 47, 1892, стр. 211.

³ W. Schur, Die Orientpolitik des Kaisers Nero. «Klio», Beiheft XV. Leipzig, 1923, стр. 9—10.

вдоль южного побережья Понта, продвигаясь к Армении и Колхиде (Т а с., App., XIII, 7—8, 34—41).

В результате этих комбинированных действий Сильвана и Корбулона к 60-м годам I в. н. э. правительство Нерона имело очень крупный общий успех в своей восточной политике. В 59 г., со взятием Артаксаты и Тигранокерты, вся Армения была в руках римлян. Иберия (Грузия) и племена кавказского побережья (мосхи) стали в союзно-вассальные отношения к Риму (Т а с., App., XIII, 37, XIV, 23—26; Cassius Dio, LXII, 20). В 63 г. Понтийское царство было обращено в римскую провинцию, и в этом же году та же участь (временно) постигла, как полагают, и Боспор¹.

Теперь сомкнулись в сплошное кольцо оба фланга римского наступления на восточные и северные берега Понта—из Сирии и Малой Азии через Понтийское царство, Кавказское побережье на Боспор и с Дуная через припонтийские степи и северо-западные греческие колонии на Херсонес. Понт стал к 63 г. своего рода внутренним римским морем. Это отмечено в известной речи царя Агриппы, приводимой Иосифом Флавием в его «Иудейской войне». Речь эта, как показал Domaszewski, опирается на какой-то очень важный римский официальный документ о дислокации римских войск в 66 г., и данные относительно Фракии, германских провинций и Британии вполне подтверждаются современными эпиграфическими данными². Описав римское военное могущество и перечислив римские военные силы в различных провинциях Римской империи, Агриппа переходит к областям Понта: «что же говорить об эниохах, колхах, о племени тавров, о боспорцах и других живущих вокруг Понта и Меотиды народах. Они раньше и собственного не признавали владыки, теперь же подчиняются трем тысячам легионных солдат, и сорок восемь военных кораблей полностью замирили недоступное до сих пор и неприятное море» (I o s. Fl., Bell. iud., 2, 16, 4).

Конечно, только долю этого общего результата следует относить за счет похода Тиб. Плавтия Сильвана. Как можно видеть из его надписи, ни к эниохам, ни к колхам, ни к боспорцам, о чем упоминает Иосиф Флавий, он не имел никакого отношения. Это было делом малоазиатского командования. Но его поход имел следствием начало длительной, двухсотлетней оккупации и эксплуатации римлянами Херсонеса и его области. С этого времени западное побережье Крыма входит в пределы провинции Мезии. Легаты Мезии становятся прямыми начальниками Херсонеса, и им ставятся в городе статуи с почетными надписями, как это было принято в городах римских провинций. Первая дошедшая до нас надпись относится ко времени правления Веспасиана: «Секста Веттулена Цериалиса, легата и пропретора Веспасиана Кесаря Августа, поставил народ» (IPE, I^a, № 421), вторая—уже из эпохи Домициана: «Секста Октавия Фронтонна, легата и пропретора императора Домициана Кесаря бога Августа Германского, поставил народ» (IPE, I^a, № 422). В самом Херсонесе, в качестве его военного коменданта и командира стоявшего на его территории римского гарнизона, надо думать, уже с этого времени, поселится военный трибун (IPE, I^a, № 417; надпись относится ко второй половине II в.). Гарнизон—*vexillatio Chersonesitana* (IPE, I^a, № 404, 550), судя по надгробным надписям, состоял из солдат первого италийского легиона (IPE, I^a, № 417, 547, 548), который стоял в Мезии с 69 г.,

¹ С 62—63 г. на боспорских монетах исчезают монограммы царя Котиса I и даты боспорской эры и вместо них появляются портреты и монограммы Нерона или надпись *Νέρωνος Καίσαρος*. Л а т ы ш е в, *Почти́а*, стр. 111.

² Domaszewski, *Die Dislokation des römischen Heeres*. «Rhein. Mus.», 47, 1892.

и из вспомогательных отрядов: упоминается, например, первая Киликийская когорта, тоже из армии Мезии (IPE, I², № 554, также 553 и 555; все они—более позднего времени). В гавани Херсонеса стояли римские военные корабли под командой триерархов, подчиненные тоже римскому херсонесскому коменданту—военному трибуну (IPE, I², № 417). Римское военное командование взяло на себя защиту всей области Херсонеса—так надо понимать выражение приведенной выше надписи в честь избавителя от скифско-сарматской опасности τὰς χώρας ἅπαντας... ἐφύλαξεν ἀμβλῶν. Это значит, что римские военные посты появились и во второстепенных городах Херсонесской области—в Киркинитиде и Симболон Лимене (Балаклава), на Ктенусе (Инкерман), на укреплениях (τείχοι—стены), расположенных по сухопутной границе Гераклеяского полуострова, между Балаклавским заливом и Инкерманом. Некоторые следы этой римской военной оккупации уже вскрыты современным археологическим обследованием Гераклеяского полуострова, но следует признать, что пока еще в этом отношении сделано очень мало. Херсонесский музей до сих пор еще мало уделяет внимания изучению этой эпохи, и в музее только недавно (в 1938 г.) появился специальный отдел римских памятников.

Однако римское военное командование не ограничилось оккупацией одной исконной Херсонесской территории, т. е. Гераклеяского полуострова и части западного побережья Крыма¹. Оно продолжило и завершило то, что за 150 лет до этого при таких же обстоятельствах начал Диофант,—военную оккупацию независимой до сих пор Таврики, т. е. южного горного побережья Крыма. Об этом свидетельствует в вышеприведенном месте Иосиф Флавий, говоря о подчинении римлянам «племени тавров»; об этом еще более определенно говорят и значительные археологические данные, добытые на горном берегу Крыма, на мысе Ай-Тодор, благодаря систематическим раскопкам с участием М. И. Ростовцева в 1900-х годах² и В. Д. Блаватского в 1930-х годах³, а также благодаря разведкам научных сотрудников Алушкинского историко-бытового и Ялтинского краеведческого музеев (в последнем хранится и большинство материалов, найденных при раскопках; часть их также в Моск. Государственном Историческом музее и Моск. Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина). Опираясь на эти материалы и привлекая в качестве аналогий другие, значительно лучше освещенные источниками, близкие по времени и сходные по обстановке военные операции римлян—например, походы Цезаря в Британию в 55—54 гг. до н. э., поход Калигулы на хаттов в 41 г. и, в особенности, поход Клавдия в 43 г., закончившийся завоеванием Британии,—можно теперь нарисовать довольно определенную картину начального периода римской оккупации независимой до сих пор Таврики.

Как показывают монеты, найденные при раскопках римской военной стоянки на территории ай-тодорского маяка, в 7 километрах от Ялты, непрерывная серия которых начинается с денариев императора Гальбы (68—69 гг.), начало этой оккупации следует относить уже к концу 60-х годов, т. е. ко времени, весьма близкому от появления римских отрядов

¹ М. А. Наливкин, Северо-западное побережье Крыма в эпоху античной колонизации, в «ПИДО», 1934, № 9—10, стр. 164, указывает, что в районе Евпатории есть городища и находки римской эпохи. П. Н. Шульц в 1933 г. обнаружил ряд городищ римской эпохи, например близ дер. Даран-Баба, Терпанчи, Кульчук и Беляус. Материалы по разведке, доложенные на заседании одной из кафедр ГАИМК, хранятся в архиве ГАИМК; см. стр. 164, прим. 3.

² См. IPE, I², стр. 508—515 и указанную здесь литературу.

³ В. Д. Блаватский, Раскопки Харакса в 1931, 1932 и 1935 гг. ВДИ, 1938, № 2 (3), стр. 321—335.

в Херсонесе¹. Другими словами, очень скоро после занятия пограничных оборонительных пунктов Херсонесской области римские войска перешли в наступление и на незамиренные части территории тавров².

Операция эта, в связи с географическими и стратегическими условиями (гористость Таврики, незащищенность тыла и флангов в случае движения с севера, господство римлян на море и наличие достаточного количества перевозочных средств, которые могли дать греческие приморские города), должна была вначале носить характер морской экспедиции с высадкой крупного десанта в заранее намеченном, удобном и стратегически важном пункте на южном берегу Крыма. Что это было именно так—показывают опять те же штемпеля кирпичей наиболее ранних римских построек на южном берегу со знаками отряда (здесь, вернее, эскадры) особого назначения (*vexillatio*) равеннского флота. Как производились римлянами такие десантные операции—подробно описывают Цезарь (*De bello Gall.* , V, 8—11) и Дион Кассий (LX, 19—20)—последний в связи с высадкой Авла Плавтия, главнокомандующего римским экспедиционным корпусом в Британии в 43 г. н. э. Близ современного *Richborough* английским археологам удалось открыть и место самой высадки и собрать на нем очень интересный материал³ (см. план на стр. 88).

В Таврике наиболее удобным пунктом для высадки римского десанта в 60 г. н. э., несомненно, являлась ялтинская бухта: ведь на всем протяжении от Херсонеса до Алушты нет такого плоского и удобного для причала античных кораблей берега, допускающего выволакивание их на сушу, как то принято было в античные времена. Единственным соперником ей могла бы быть еще бухта Бати-Лимана, но она расположена слишком близко от Херсонеса, на самом крайнем западном конце Таврики, и удар сюда не мог дать большого военного эффекта. Высадка римлян в 60-х годах н. э. именно здесь является наиболее вероятной как вследствие центрального положения ялтинского побережья в Таврике, так и благодаря удобству развертывания высадившихся отрядов в широкой ялтинской долине, с ориентацией и на север—в сторону проходов (богазов) на Яйлу—и на запад и восток—против главных городищ, убежищ (*oppida*) тавров, на Ай-Тодор, и Кошку в одну сторону, Аю-Даг и Кастель—в другую. Делом чести ялтинских научных работников—археологов и краеведов—будет не отстать от своих английских коллег и путем усердных поисков найти материалы, которые бы подтверждали или, наоборот, опровергали эти предварительные предположения.

Можно полагать, что сама высадка произведена была почти беспрепятственно. Разрозненные родовые союзы тавров не могли на первых порах оказывать серьезное сопротивление римским десантным силам. Также и высадка римлян в Британии в 43 г. н. э., по сообщению Диона Кассия, произошла без помехи со стороны бриттов, которые скрылись в лесах и болотах, откуда римские войска, устроив крупное исходное укрепление на месте высадки (ср. *Caes.* , *De bello Gall.* , V, 8), и принялись их после-

¹ Найдено несколько монет и более раннего времени—например, республиканский денарий 81 г. до н. э. В. Д. Блаватский, Раскопки Харакса в 1931, 1932 и 1935 гг. ВДИ, 1938, № 2 (3), стр. 330. Но они совершенно единичны.

² Об этом же свидетельствует и то обстоятельство, что на штемпелях римских кирпичей Харакса с легендой *vex [illatio] c [lassis] Rav [ennatis]* нет слова *praetoriae* —почетного титула, полученного равенским флотом при Веспасиане (В. Д. Блаватский, Раскопки Харакса в 1931, 1932 и 1935 гг. ВДИ, 1938, № 2 (3), стр. 323). Сама форма штемпелей типична для I в. н. э. См. *Cagnat et Charot, Manuel d'archéologie romaine* , I, 1917, стр. 14—17.

³ См. I, P. *Bushel-Fox* , в *JRS* , 1926, стр. 239; M. *Caru* , *La Grande Bretagne romaine, nouvelles fouilles et recherches* в *RH* , CLIX, 1928, стр. 3—6; A. R. *Vulp* , *The Romans in Britain* . Oxford, 1932.

довательно выгонять. Они действовали при этом отдельными отрядами по радиальным направлениям: так, сам Авл Плавтий вел военные операции против бриттов преимущественно в северном направлении, в сторону нижней Темзы, а его легат, будущий император Т. Флавий Веспасиан, действовал вдоль южного берега и захватил остров Уайт (Cass. Dio, LX, 20). Ту же стандартную тактику, конечно, римляне применили и при начальной оккупации Таврики. За это говорят следы значительных разрушений в мегалитических (т. е. таврских) стенах Харакса—видимо, результат действия римских осадных машин и след римского штурма, которым ликвидировано было это крупнейшее городище тавров. Это же следует предполагать и относительно таврских refugia на горах Кошке, Аю-Даге и др.: они все были заняты римлянами очень быстро, хотя, вероятно, после отчаянного сопротивления их защитников.

Но как раз после этих первых успехов и должны были начаться главные затруднения для римского командования. Жестокие неожиданные удары и потеря ряда неприступных до сих пор городищ заставили, вероятно, объединиться разрозненные родовые и племенные организации тавров. Поэтому после первых успехов на самом побережье, подойдя к вершинам Яйлы, римские отряды могли встретить уже крупные соединения таврских воинов. Должна была начаться затяжная полевая война, усложнявшаяся очень опасными для римлян партизанскими действиями в захваченных уже районах, что в свою очередь вызывало со стороны римлян обычные приемы систематического истребления непокорного населения. Как раз такую картину и рисуют нам сведения Тацита и Диона Кассия о почти одновременных римских военных операциях в Британии. Тавры, несомненно, тоже были серьезными врагами, которых сломить было очень нелегко,—с ними не сладили даже «воеводы Митридата». Поэтому следует думать, что, в то время как главные военные действия разыгрывались на Яйле или на северных склонах южной гряды Таврических гор, верные своему обычаю римляне, конечно, действовали также путем ударов с флангов—из Херсонеса через Ктенус (Инкерман) и Киркенетиду (Евпатория), возможно также и со стороны Феодосии (Цезареи).

А одновременно с этими полевыми действиями наступательного характера шли освоение и закрепление уже захваченного юго-бережья¹. Памятником этого и является римский кастелл Харакс: в этот период преобладания наступательных операций и полевой войны это старое oppidum тавров, взятое римлянами, обратилось в значительную тыловую римскую крепость. Как показали последние раскопки В. Д. Блаватского (1935 г.), римляне немедленно реставрировали разрушенную ими при штурме часть таврской мегалитической стены (так, в северо-западном ее отрезке найдены черепицы со штемпелями vex. classis ravennatis, т. е. наиболее раннего гарнизона Ай-Тодора). Повидимому, пока полевые войска действовали на перевалах, а может быть, и на Яйле и дальше, матросы флота подготавливали им тыловую базу на случай вынужденного отступления. Но в связи с тем, что для постоянного гарнизона территория этого городища (ок. 6 га) была слишком велика, внутри ее было сделано и второе, новое укрепление, как бы цитадель: эти внутренние стены в 5½ метра толщины обнаруживают ту же систему кладки—панцирные стенки, засыпанные бутом из битого щебня, и в них те же черепицы с клеймом равеннской вексилляции. Узкие ворота (всего 2 м)

¹ Этот процесс тоже можно установить по аналогии, например, с походом Калпугулы за Рейн на хаттов в 41 г. В то время как основные военные силы римлян продвигались вперед, в тылу их происходило немедленное закрепление кастеллами и фортами только что «замыренной» области маттиаков (Suet., Cal., 43—47; Cass. Dio, LIX, 21—22).

были фланкированы двумя башнями. Рва, повидимому, не было, так как сама местность здесь сильно понижается. Внутри второго кольца стен были сооружены каменные постройки военного и бытового назначения: преторий на вершине маячной горы и при нем, нужно думать, наблюдательная и сигнальная вышка—как в кастелле Friedberg. Все это, впрочем, безвозвратно погибло при постройке маяка в 1830-х годах. Ниже претория возведены были разные постройки военного назначения (склады, караульные помещения и пр.), а также каменная походная солдатская баня—весьма скромная и тесная, но все же с гипокаустом (центральным отоплением)¹. Гарнизон, видимо, вел очень примитивную бивуачную жизнь—в простых дощатых бараках за внутренней стеной, повидимому к востоку от здания претория, где раскопки Блаватского в 1933 г. обнаружили отсутствие монументальных построек. Пространство между внутренней и внешней стенами оставалось пустым: оно было назначено для размещения значительных отрядов в случае их отступления.

Таких больших крепостей, назначенных служить тыловыми базами для полевых действующих войск, на территории южного берега Крыма должно было быть немало, и Харакс является лишь типичным их представителем. На это можно найти намек и у Ростовцева²: «Нет основания думать, что места пребывания римских солдат ограничивались Херсонесом, Хараксом и Ольвией. Если не постоянно, то временно римское войско могло занимать не одно местное поселение». Подобные Ай-Тодору—Хараксу тыловые базы можно предположить и на горе Кошке, на Аю-Даге, на Кастеле. Но и в них в это время полевой войны должна была преобладать та же бивуачная жизнь—в палатках, дощатых бараках и пр. Поэтому от первого периода римской оккупации Таврики и не могло сохраниться крупных монументальных построек.

Памятниками первых десятилетий оккупации Таврики римлянами остались лишь следы разрушений таврских городищ, которые, однако, благодаря их мегалитическому характеру, не в силах была разрушить до основания даже римская техника, и временные, лагерного типа поселения самих захватчиков, которым, однако, как и в других оккупированных римлянами районах, предстояло впоследствии стать исходными точками распространения римской культуры.

¹ Комплекс построек южной части терм. Подробнее см. В. Н. Дьяков, Древности Ай-Тодора, 1930.

² Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 78.

